

Вэнь Цзыцянь почувствовал, как сердце его сжалось от боли. Он сказал себе: «Вэнь Цзыцянь, ты не должен быть мягким, ты не должен тянуть его за собой всю жизнь...» Но он был погружён в водоворот чувств, из которого не мог выбраться.

Он посмотрел на макушку молодого человека, погладил его волосы и вздохнул:

— Почему ты отказался от господина Циня? Это прекрасный путь, в будущем он будет тебя опекать, и я хоть немного успокоюсь.

Цинь Цан, серьёзно массируя его ноги, сказал:

— Ты прекрасно знаешь ответ, просто притворяешься глупым, а я смотрю на твоё представление.

Вэнь Цзыцянь ответил:

— Я мужчина...

Цинь Цан возразил:

— Я не слепой!

Вэнь Цзыцянь тихо произнёс:

— Моё тело... не может удовлетворить тебя...

Цинь Цан вдруг засмеялся, будто понял, почему Вэнь Цзыцянь отказался от него.

— Ты чувствуешь себя неполноценным? Вэнь Цзыцянь, которого я знаю, никогда не был таким.

Вэнь Цзыцянь покачал головой:

— Я... я не могу...

— Как ты узнаешь, если не попробуешь? — Цинь Цан поднял голову, его взгляд был ясным и решительным, он не отступал и шёл вперёд.

— Я... не готов... — вздохнул Вэнь Цзыцянь.

Цинь Цан помог ему надеть носки и спросил:

— Теперь не больно?

Вэнь Цзыцянь только теперь понял, что, думая о непристойных вещах, он забыл о боли.

— Ты можешь готовиться медленно, я подожду. — Цинь Цан поддерживал его ноги, помогая ему сесть.

Вэнь Цзыцянь уже собирался что-то сказать, когда дверь на балкон открылась и вошёл Цзи Ханьчжи.

Он посмотрел на Цинь Цана, сидящего на полу, затем на Вэнь Цзыцяня в инвалидном кресле, достал сигарету, закурил и сказал:

— Йо, снег пошёл. Я думал, вы двое зашли и не выйдете, а вы тут любуетесь красотами.

Вэнь Цзыцянь не переносил запах табака, закашлялся, прижав руку к груди.

Цинь Цан встал, выхватил сигарету изо рта Цзи Ханьчжи, бросил на пол и затушил её ногой.

Цзи Ханьчжи нахмурился, поднял бровь. Никто никогда не осмеливался так с ним обращаться, это было просто безумие.

Внезапно холодная рука легла на его кисть. Он опустил взгляд и увидел тонкие пальцы Вэнь Цзыцяня.

— Четвёртый молодой господин Цзи... у меня астма... я не переношу запах табака, — сказал Вэнь Цзыцянь, слегка запыхавшись.

Цзи Ханьчжи окинул его лицо взглядом, и гнев его мгновенно утих. Он усмехнулся:

— Цзыцянь, ты молодец, вырастил хорошего пса.

Цинь Цан был немного выше четвёртого молодого господина Цзи. Он смотрел на него с ненавистью, будто хотел броситься на него, как в детстве, и укусить несколько раз.

Вэнь Цзыцянь кашлянул и сказал:

— Четвёртый молодой господин Цзи, вы шутите. Я не вижу здесь никакого пса, только вижу одного прилично одетого зверя.

Цзи Ханьчжи сначала опешил, затем рассмеялся. Он повернулся к двери, но перед тем как выйти, вспомнил что-то и сказал:

— Цзыцянь... ты мне очень нравишься... ты знаешь?

Вэнь Цзыцянь посмотрел на него и ответил:

— Боюсь, вы не справитесь.

— Это нужно попробовать, чтобы узнать, — с улыбкой сказал Цзи Ханьчжи и ушёл.

Цинь Цан был в ярости. Вэнь Цзыцянь схватил его сжатый кулак и сказал:

— В твоём возрасте всё ещё ведёшь себя как уличный хулиган? Он говорит своё, а ты просто игнорируй его, понял?

Цинь Цан сдержался и неохотно кивнул.

Вэнь Цзыцянь вздохнул и посмотрел в окно, чувствуя, что ночь была особенно длинной, будущее казалось туманным, и он не знал, что его ждёт.

В последнее время Вэнь Цзысюань постоянно ссорилась с Пань Цинь, которая, несмотря на протесты, вернулась в родовое поместье. После смерти Вэнь Юаньхана она могла позволить себе всё что угодно и просто не хотела, чтобы Вэнь Цзыцянь жил спокойно.

Вэнь Цзысюань несколько раз пыталась уговорить её, но Пань Цинь каждый раз отвечала руганью. Вэнь Цзыцянь, боясь, что сестра страдает между ними, утешал её:

— Пусть тётя Пань останется, в конце концов, это её дом. Не волнуйся, я постараюсь не

конфликтовать с ней.

Вэнь Цзысюань ответила:

— Я останусь с вами, мне неспокойно.

— Хорошо, — сказал Вэнь Цзыцянь. — Комната осталась прежней, ничего не изменилось.

Вэнь Цзысюань медленно поднялась по лестнице, остановилась на несколько ступенек и оглянулась. Вэнь Цзыцянь сидел в инвалидном кресле и смотрел на неё. Они смотрели друг на друга на расстоянии, несколько шагов казались непреодолимой пропастью.

Она оглядела дом — всё осталось прежним, но годы оставили свой след, и всё изменилось.

Она думала, что сможет забыть, но после трёх бессонных ночей на четвёртый день она едва держалась на ногах.

Пань Цинь каждый день встречала Вэнь Цзыцяня с саркастическими замечаниями, и Вэнь Цзысюань, находясь между ними, чувствовала себя неловко, ей было стыдно смотреть на брата и Цинь Цана.

Вэнь Цзыцянь, видя её постоянную грусть, попросил Цинь Цана отвезти её обратно в дом Пань.

Он думал, что при всех Пань Цинь ограничится язвительными словами и не сделает ничего серьёзного. Он практически игнорировал её присутствие и всё, что она говорила.

Но, возможно, его равнодушие и игнорирование разозлили её, и после очередной саркастической реплики она вылила чашку горячего супа на Вэнь Цзыцяня.

Цинь Цан бросился к нему, оттолкнул обезумевшую женщину и, подхватив Вэнь Цзыцяня на руки, побежал в спальню, где облил его холодной водой, смывая остатки супа.

Вэнь Цзыцянь почувствовал, что Цинь Цан дрожит, протянул руку и погладил его по лицу, стараясь говорить спокойно:

— Всё в порядке, не больно. Жаль только, что этот суп из морепродуктов варился два часа.

Цинь Цан не мог улыбнуться. Стиснув зубы, он сказал:

— Я хочу убить её!

Вэнь Цзыцянь погладил его по затылку, как будто успокаивая большую собаку, и сказал:

— Пусть это будет мой долг перед ней, я верну его одним разом.

Цинь Цан дрожал от ярости:

— Ты ничего ей не должен! Это всё вина Вэнь Цзыи!

Да, я ничего ей не должен. Никому не должен. Но... Вэнь Цзыцянь вздохнул:

— В конце концов... это человеческая жизнь...

Цинь Цан осторожно снял брюки Вэнь Цзыцяня. Весь живот и бёдра были обожжены, на

некоторых участках кожа слезла, внутренняя сторона бёдер покрылась волдырями, и даже его интимное место не избежало ожога, покраснев и опустившись.

Вэнь Цзыцянь взглянул и поднял голову:

— Не смотрел — не болело, а теперь, как посмотрел, действительно больно.

На самом деле он не чувствовал боли, просто вид ран вызывал у него неприятные ощущения.

Цинь Цан нахмурился:

— Нам нужно в больницу.

Вэнь Цзыцянь покачал головой:

— Я не пойду... ожог в таком месте, как-то неудобно говорить... давай просто намажем мазь...

Цинь Цан достал тонкое одеяло, завернул его изувеченное тело, поднял на руки и сказал решительно:

— Ты не можешь решать! Ты должен в больницу.

Он крепко обнял его и понёс вниз. Пань Цинь сидела в гостиной и смотрела телевизор. Цинь Цан подошёл к ней и сказал:

— Госпожа Пань, я уважаю вас как вдову Вэнь Юаньхана, и на этот раз я сдержусь. Помните, больше такого не будет. Вы знаете, кто я такой? Вы ранили самого важного для меня человека, и я раню самого важного для вас, даже если это Цзысюань!

Вэнь Цзыцянь схватил его за спину и тихо сказал:

— Что за глупости...

Цинь Цан громко крикнул:

— Кто посмеет причинить тебе вред! Пусть попробуют, если не боятся смерти! Все называют меня бешеным псом Цинь Цаном, и те, кто не боится, могут попробовать!

Пань Цинь ответила:

— Ты посмеешь! Разве нет закона?

Цинь Цан зловеще усмехнулся:

— Посмотри, посмею ли я! Пока я не вернулся, лучше исчезните. И если вы снова тронете Цзыцяня, я заставлю вас пожалеть об этом.

Его глаза пылали, и он выглядел устрашающе, способным внушить страх.

По дороге в больницу Цинь Цан не проронил ни слова. Он крепко обнимал Вэнь Цзыцяня, будто хотел вобрать его в себя.

Его лицо, освещённое неоновыми огнями, то появлялось, то исчезало, и от него исходила странная, сильная аура убийцы.

— Мои счёты с Пань Цинь не должны касаться Цзысюань... она хороший ребёнок, она ни в чём не виновата, — тихо сказал Вэнь Цзыцянь. — Ты просто злишься, ты не причинишь ей вреда, правда?

Цинь Цан долго смотрел в окно, прежде чем пробормотать:

— Я не знаю... когда я увидел, что ты ранен, в тот момент я не мог себя контролировать... ради тебя я даже могу убить...

Вэнь Цзыцянь обнял его за шею, положил голову на плечо и тихо сказал:

— Не делай глупостей, не делай того, о чём потом пожалеешь.

Раны оказались серьёзнее, чем ожидалось. У Вэнь Цзыцяня был паралич нижней части тела, и кровообращение было нарушено. На следующий день раны начали воспаляться, и к вечеру у него поднялась температура.

Вэнь Цзыцянь был в сознании, но чем яснее он мыслил, тем сильнее страдал. Ожог уретры не позволял вставить катетер, а высокая температура вызвала задержку мочи. С прошлой ночи он не пил ни капли воды, капельницу отключили, и его мочевой пузырь был переполнен, но он не мог опорожнить его, а напряжённый живот проступал синими венами.

<http://bllate.org/book/16224/1457497>